

A detailed historical world map, likely from the 17th or 18th century, showing the Americas, Europe, Africa, and Asia. The map is framed by a decorative border with a sunburst at the top. A circular badge in the upper right corner contains the text '12+'.

12+

Николаева-Цыганкова Елена
За волшебным порогом

Елена Николаева-Цыганкова За волшебным порогом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62791378

SelfPub; 2020

Аннотация

То ли сказки тут написаны, то ли были. Не мне решать, а читателю. И пусть за волшебным порогом книги вам встречаются добро и любовь, которых нам всем так не хватает.

Содержание

СНЫТЬ	4
Василий и Василиса	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

СНЫТЬ

Анна Силантьевна болела уж который год. Каждый новый день приводил её в отчаяние. Жизнь была для неё тяжёлой ношей, почти непосильной. Болезнь, которая сидела в ней уже лет десять, не давала ей насладиться радостью жизни, не давала ей возможности взглянуть на рождение нового дня с восторгом, который она раньше испытывала почти каждое утро.

В один из дней мрачной череды её одинокой и болезненной жизни в избу кто-то постучался. Анна Силантьевна с трудом приподнялась с кровати и еле-еле доковыляла до двери. Даже не спрашивая кто там за дверью, она открыла её. На пороге дома стоял дед не дед, но и не добрый молодец. Окладистая белая борода говорила о пришедшем, что он не молод, но осанистая, стройная фигура говорила, что он и не стар.

– Доброго здоровья тебе, девица, – поприветствовал дед Анну Силантьевну. И поклонился ей стоя на пороге. – Разрешить ли войти?

Женщина улыбнулась, уж давно не говорили ей, что она девица. Да и какая она в самом деле девица, коль ей уж перевалило за восемьдесят. Она, немного смутясь и своего вида, и своей хромоты, заковыляла к печи. И проговорила страннику:

– Входи, мил человек, коли надобно. Есть ли хочешь? Пить ли хочешь? Говори. И накормлю тебя, если голоден ты, и водицы иль чая налью, если жажда тебя иссушила.

– Если есть чай липовый, то изопью я его с радостью. Но пришёл я скорее тебе в помощь. Двор меня твой к себе призывал. Да сказал, что сильно больна хозяйка, суставами мучается который уж год.

Подкосились колени у Анны Силантьевны от таких слов странника.

– Откуда же ведомо тебе, мил человек, о болезни моей? Али Настасья, соседка моя, сказала об этом?

– Нет же, не Настасья-соседка, говорю тебе, девица, что двор твой кричал и звал меня на помощь тебе.

Хозяйка, как ни тяжело ей было с чайником управиться да

кружки на стол выставить, всё ж справилась с непосильной для неё задачей. Хотя пришелец и порывался ей помочь, а она всё отмахивалась от него. Сама, мол, всё сделаю.

– Как же дворы теперь людей звать научились? – заглянула в глаза страннику женщина. – А може ты ведьмы сын или колдун? – И она перекрестилась сама и перекрестила избу, и поклонилась иконке, что в углу над кроватью приютилась.

– Ни то, ни другое, – ответил пришелец. – Человек я обычный. Имя моё Матвей, а по отчеству я Михалыч. Хошь по имени называй меня, хошь по отчеству, как тебе сподручнее будет, девица.

– Какая же я девица? Была девицей, да красавицей, а теперь уж избушка на курьих ножках от моей бывлой красы осталась. Глянь-ка, суставы никудышные стали. Не мнусь я и не гнусь. А если и делаю работу по дому, то с таким трудом, и с такой болью, что хоть волком вой. Да и ты, Матвей, зови меня попросту – Нютой, али Силантьевной, как тебе понравится.

– Ну вот и хорошо, что мы познакомились. Нюта, девица ты всё равно для меня, – молвил Матвей. – Мне годков-то

уж поболее чем тебе. Уж месяца три назад как девяносто три мне исполнилось.

– Да быть того не может, – воскликнула Анна Силантьевна. – Тебе от силы шестьдесят. Хотя и выглядишь ты дедом, но это твоя борода тебе возраста добавляет.

– Не будем, Нюта, о возрасте говорить, не за тем я пришёл. Я же говорю, что двор твой меня кликал. Звал, манил, говорил: Зайди, Матвей, есть надежда на то, что сможешь помочь человеку выздороветь.

– Ну, мил человек, ты меня не перестаешь удивлять. Не видала ещё дворов говорящих, зовущих прохожих странников на помощь. Ну, раз ты здесь, то значит и такие чудеса случаются. И чем же ты мне помочь можешь?

– Помогу тебе тем, что знаю сам. Да непонаслышке знаю, а на себе испытал болезнь ту, что тебя сейчас мучает. Настродался я, с лихвой хватило мне. Раньше и передвинуться не мог более чем на метр без посторонней помощи. А теперь вишь как хожу да прыгаю.

Дед вышел из-за стола подпрыгнул и присел, ударив, как

в русском танце, себя по стопам. И пустился по кругу в пляс. Сделав два круга у печи, дед вновь присел к столу.

– Да ты кудесник или враль никак? А? – прищурилась Анна Силантьевна.

– Ну коли надобно тебе не верить людям, то не верь, Нюта.

– Верю, верю тебе, Михалыч. Верю тебе, родимый. Прости меня, глупую. Прости. Не хотела обидеть. Но просто до сих пор не верится мне, что такое чудо возможно. Не буду тебя боле перебивать, расскажи мне толком, чем помочь мне задумал, да как. И как двор тебя мой манил.

– Ну что ж, Нюта, слушай.

Лет двадцать тому назад приключилась со мной та же беда, что и тебя сейчас одолевает. Болезнь суставная замучила донельзя. Вначале потихоньку подкрадывалась, незаметно, исподволь. То один сустав поболит, то другой прихватит. То спину заломит, то колени не согнуть никак. И боль адская была. Кое-как врачи мне помогали. Таблетки, уколы, мази, примочки, компрессы. Надолго лечения такого не хватало. Болезнь стала править моим телом, а не я. Я стал подчиненным болезни. И в один из дней отвезли меня на неотложке в

больницу, не смог я сам с кровати встать. Благо еще работал тогда, так на работе меня хватились, да пришли ко мне. А я как младенец лежу, встать не могу. Всё тело, все суставы будто огнём жжёт, боль нестерпимая.

Отвезли меня тогда в райцентр. Лечили доктора разные. Уж и не помню сколь процедур прошёл, а всё без толку. То есть толк был, но временный. Боль возвращалась ко мне каждый раз, как только прекращали действовать препараты. Но выписали меня всё равно уж ходячим. Не здоровым, конечно, но ходячим. Добрался я до дому. Во двор свой захожу, а он зарос так, будто меня не было дома не один месяц, а целый год. Весь двор снытью покрылся. Ростом трава выросла почти с меня. Я уж и не знал, как к дому добраться. Но домой-то надобно было войти. Оставил я калитку отпертую, а сам пустился сквозь травяной строй сныти. Почти плыву в траве этой. Раздвигаю ветви этого зеленого сада, иду медленно. И вдруг вижу, предо мной девчонка появилась. Зеленая такая. Я подумал, наверное, отсвет от травы на девочку так лёг, что зелёной мне она кажется. И я спрашиваю её:

– А ты девица, что ж у лесу этом снытном делаешь?

– Я Берегиня, – отвечает мне она. – Я не простая девица. Я берегу людей от болезней.

Ну, думаю, долечили меня. Видать, таблеток не тех дали напоследок. Мерещится мне чудо сказочное. Я спрашиваю её снова:

– А делаешь ты что здесь?

А девица Берегиня отвечает мне:

– Вам пришла помочь. Я же говорю, что Берегиня я. Только не все меня видят. А вот вам удалось меня узреть. И это хороший знак.

А девица замолчала на минуту, а потом продолжила:

– Трава у вас во дворе не простая выросла, а именная. То значит для вас. Только для вас. Земля-матушка да травы очень чувствительны к человеку. А вот не каждый человек сподобится услышать траву, речь её понять. У вас больные суставы, а сныть для того и выросла, чтобы спасти вас. Спасти! Понимаете вы это?

– Да где ж это видано, чтобы трава умела чувствовать лучше, чем человек? – спрашиваю я Берегиню.

– Да в чертогах небесных об этом знают, да жители вашей планеты, но только некоторые знают об этом. А другие, если и знают, то не говорят по разным причинам об этом своим собратьям. Но на то я и Берегиня, чтобы беречь и помогать. И я пришла помочь вам. Вы послушайте травы не только вашего двора, а и других дворов звуки услышите. Ежели хватит у вас сил на завтра по деревне пройти, да в каждый двор заглянуть, да углядеть, какие травы там произрастают, то и понятны вам сразу станут болезни людские, да в какой помощи нуждаются люди.

Ох и о многом рассказала мне тогда Берегиня. И ещё напомнила мне о Серафиме Саровском, был такой Святой человек, тоже снытью питался, да не день-два в год, а годами. Она и лечила его, и питала его.

Сказала мне всё это девица зелёная, да и ушла, скрылась в зарослях сныти. Я едва в дом вошёл, сумку поставил у двери, да во двор вновь пошел. Взял серп, да серпом сжал всю сныть. Принёс домой. Нарезал листьев, добавил маслица. Съел этот салат не салат, но кушанье вышло царское. И чаю ещё заварил с травой этой. К вечеру управился с сушкой сныти. И ушёл на сеновал спать. Проснулся, а боли почти и нет. Ни один сустав не откликнулся во мне болью. Нелов-

кость в теле была, но боли не было. Так и повелось у меня. Сныть поставила меня на ноги. Она и молодости мне дала, и суставам здоровья, и сердцу бодрости, а телу силу. Потому теперь и хожу по округе, помогаю кому чем могу. Прошёл-ся я после и по деревне, и верно ведь, сныть только в моем дворе выросла лесом, а у соседки Лизаветы только лапчатка во дворе растет, а у неё сердце часто прихватывало. Соседка стала принимать лапчатку, так и лапчатка вылечила Лизавету. И расти перестала во дворе. Теперь у неё только мягкая ровная трава растёт. Ни сныти, ни одуванчиков. Ни другой сорной травы не растёт. У Петровича двор зарос подорожником. Знать, у него проблемы с лёгкими. Так оно и оказалось после. Теперь здоров Петрович. И подорожник будто понял, что здоров Петрович теперь, и не произрастает у него. И не пололи его, и не удаляли насильно траву со двора, просто перестал расти подорожник. Теперь уж и я, и Петрович, и Лизавета, знаем, что трава понимает и чувствует людей лучше, чем люди сами себя.

И тебе, Нюта, я тоже помогу.

Анна Силантьевна, внимательно выслушав рассказ Матвея, всплеснула руками и почти зарыдала.

– Матвей, Матвеюшка, странник ты мой милый. Спаси-

тель ты, лекарь ты, знахарь ты настоящий. А я-то, старая, не верила тебе. И теперь ведь точнёхонько знаю, что правду истинную ты глаголешь. Вон у Мироновны огород одуванчиками зарос, а она с ними борется, а побороть не может. А знать одуванчики ей говорят о её малокровии. Вылечить её трава хочет, говорит ей, говорит цветами своими о лечении и выздоровлении, а она не слышит. А у Федоровича весь огород пыреем зарос, знать, с желудком нелады у него, а он тоже всё злится и ругается на сорняк. А сорняк видать умный и сам уйдёт, коли будет здоров человек.

– Да, верно, Нюта, ты говоришь. Сегодня я нажну сныти, да запарю тебе да себе на суп и на чай. А ты ещё и салатик себе сделай. Если не прогонишь, недельку я поживу у тебя. Спать буду на сеновале.

– Спи, Матвеюшка, живи, спаситель мой, не гоню я тебя, а благодарю тебя. Тебя и твою Берегиню. И матушку-землю нашу, что посылает нам лечение. Только мы все незрячие ходим, да глухие. Не видим и не слышим знаков, которыми нас щедро одарила природа.

Василий и Василиса

Утром Василиса Егоровна пила на кухне чай. Невзначай взглянув в окно, она обомлела.

На самом краешке поручня балкона сидел Василий. Так она называла ангела, который прилетал в тяжёлые для неё времена.

Она подбежала к балкону и распахнула дверь:

– Васёк, залетай скорее, зима всё же на дворе, не мерзни там.

Ангел вспорхнул над балконом, легко влетел в помещение, и присел на подоконник.

– Ну что, милая Василиса Егоровна? Грустишь? – спросил он её.

Василиса, промокнув глаза фартуком, всхлипнула было, но потом остановилась.

– Да нет, Васёк, просто вспомнилось былое. Обиды незаслуженно полученные, да жизнь моя, как говорят, несклад-

ная, но я бы её ни за что на свете не променяла на что-то другое. Ни на золото-серебро, ни на покой, который нам только снится.

– И вот, что я, Васёк, подумала, – теперь уже решительно заявила Василиса Егоровна. – Сама ведь хотела жизни такой. Сама её и приняла. Просто вот вспомнились слова соседские, услышанные мной невзначай – «дева старая» говорят про меня. Сочувственно смотрят на меня, жалеют, что ни мужа у меня, ни детей. Думают, что и Кузеньку моего да Джима я завела от тоски лишь одной по несбывшемуся мужу да из-за того, что деток нет у меня.

Но ведь, Васенька, дорогой мой ангел, на что мне нелюбимый муж? Просто чтобы был? Так ведь и я не слепая, вижу ведь, как соседи живут, да слышу всё, стенки-то нынче тонёхонькие. Ни любви у них нет, ни дружбы крепкой. Всё переругиваются да покрикивают друг на друга. Страшно мне было бы так жить, как они. И ведь знаю, они о себе говорят, что по любви женились да замуж выходили. А где ж эта любовь их? Куда ж она испарилась? Куда она провалилась? А может, и не было её, той любви? Лишь молодость их связала да дети общие. А любви-то нет. Притяжения взаимного нет. Такого, чтобы неразрубить и не порушить ничем. Ни огнём, ни водой, ни медными трубами, ни возрастом, ни морщина-

ми, ни болезнями.

Но ты же знаешь, Васёк, что не могу я жить без любви. Не могу просто так жить вместе с кем-то. Не могу. Против сути моей это. Не могу. Да теперь уж и что говорить, теперь и совсем поздно может. Уже семьдесят мне. О чём речь-то вести?

Хотя вспоминала с утра молодость, и пришли на память ухажёры. Которым косы мои нравились, фигура и глаза. Да ещё песни мои, которых я знала всегда много. И ходили за мной, и уговаривали, и звали. Но молчало сердце моё. Не видела я в них тепла и добра, любви в них не чувствовала. Лишь желание свиданий, да может поцелуев украдкой. Не могу я, Васенька, так.

И Василиса Егоровна вновь промокнула глаза фартуком.

А Вася-ангел сидел тихонько на подоконнике и слушал Василису. Он тоже помнил жизнь Василисы. Он ведь к ней прилетал не раз. И вспомнил ту встречу на берегу реки, когда впервые увидел её. Коса Василисы смоляного цвета доставала почти до колен. Глаза её голубые напоминали о высоте неба и об озерах синих, глубоких. И свой первый разговор с

ней вспомнил. Говорил с ней хоть и недолго, но помнил всё до единого слова. А говорил он ей тогда так: Жди, Василисушка, жди, милая, не растрачивай любовь на встречных женихов, которых не принимает твоё сердце, которым от тебя честь лишь девичья нужна, да может ещё поварские умения, да ещё может их собственный страх остаться непризнанными, одинокими. А ведь ты, девица, умница. Ты жди. Дождется тот, кто хочет дождаться. Кто верит сердцу своему, а не желаниям. Жди.

Василиса в тот вечер плакала на берегу, думая и решая, как ей быть с очередным кавалером. Или отказать ему, или пойти замуж, как все. Ведь все её подруги уже замужние, одна она осталась без мужа.

Но ангел-Вася не зря прилетел тогда. Он помог ей услышать не голос плоти, не голос страха одиночества, а чистый и беспристрастный голос сердца светлого. И именно с этого мгновения Василиса решила для себя так, что если не встретит единственного и неповторимого, того, который откликнется на зов её любящего сердца своим любящим сердцем, то лучше одной пройти по дороге жизни, чем мыкаться потом с нелюбимым мужем.

И, наконец, Василий подал голос:

– Я, Василисушка, к тебе с доброй вестью прибыл.

Василиса Егоровна даже привстала.

– Что, мил мой, хочешь сказать мне? Что?

– А вот слушай, пойдёшь ты завтра в собес, а там всё и увидишь сама. Разреши уж мне не всё говорить, а то тебе совсем неинтересно будет жить.

Ангел-Вася и Василиса поговорили ещё немного. Васёк о себе чуток рассказал, а про Егоровну он уже и сам всё знал. Попрощался он вскоре с Василисой и отбыл.

Уважаемый мой читатель, не знаю, стоит ли говорить о том, как произошла памятная и долгожданная встреча Василисы Егоровны с суженым своим. Но кое-что всё же сообщу.

Василию Дмитриевичу только-только исполнилось восемьдесят. Он ни разу не был женат, детей у него тоже не было. Он был сиротой круглым с детства и по жизни. Соседи его и сослуживцы тоже рассказывали о нём друг другу небылицы, жалели его, что растрочена его жизнь была на работу, которую он оставил лишь год назад. Сочувствовали, что нет

у него спутницы, которая бы помогла ему в случае болезни или просто для обычных разговоров вечерами, чтобы не чувствовать себя покинутым и брошенным на произвол судьбы.

Но Василий Дмитриевич так же, как и Василиса Егоровна, был уверен, что жизнь дана для любви. И что он не имеет права жениться, пока его сердце, точно флюгер, не укажет на ту единственную, что именно она его избранница-суженая. Что она и есть та самая первая, единственная и непреходящая любовь, то самое живое и трепещущее сердце, ждущее и зовущее только его.

Живут теперь Василиса Егоровна и Василий Дмитриевич вместе. Не одиночество их связало, не старость, а любовь. Ах, если бы вы видели взгляды, которыми они смотрят друг на друга, если бы вы могли слышать их речи и обращения друг к другу. Если бы вы могли себе представить их жизнь теперешнюю, то вы бы за них порадовались. Потому что и мне радостно от того, что есть любовь. Преданная чистая и светлая. Кто-то может и скажет, что недолго будет длиться их счастье, но я всё же возражу, сказав так: Любовь вечна, а значит, они нашли друг друга навсегда!

Post scriptum:

Казалось бы, на этом история наших героев закончилась, но это не совсем так, или совсем не так.

Только-только поставлена была точка в рассказе Василия и Василисы, как я почувствовал лёгкое дуновение. Я отвлёкся от рукописи и увидел на краю письменного стола того самого ангела-Васю. Он сидел и улыбался мне.

– Ну что, писатель? – спросил он. – Тебе, наверное, всё же хочется узнать о дальнейшей жизни Василия и Василисы?

– Конечно хочется, – ответил я.

И добавил мечтательно:

– Если бы мне повезло быть ангелом, то я бы постарался повернуть время назад. И сделать так, чтобы Василий и Василиса встретились молодыми.

– Зря ты, писатель, думаешь, что прошлое можно вернуть и переиначить. Невозможно, как говорят у вас, зайти в одну и ту же реку дважды. Все люди творят своё будущее в настоящем, а в настоящем они получают то, что сеяли в прошлом. Но я хочу, чтобы ты знал, что будущее Василия и Василисы

именно таким и будет, каким ты его себе представил. Только случится это через несколько столетий, и имена Василия и Василисы будут другие, но для будущего это не имеет никакого значения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.